

**ХОДЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РАБОТЪ
КАРАМЗИНА.**

Дозволено цензурой. Москва, 1 Сентября, 1865 г.

(Изъ 30 № газеты «День».)

ВЪ ТИПОГРАФІИ БАХМЕТЕВА.

Ходъ историческихъ работъ Каразина

въ Петербургѣ 1819—1826.

Съ 1819 года начинается новый періодъ въ жизни Каразина. Онъ кончилъ печатаніе осьми томовъ исторіи, до 1560 г., написанной въ Москвѣ, и принялся за ея продолженіе, котораго тамъ было приготовлено только страницъ 30. Второе изданіе, вмѣстѣ съ переводами (см. ниже), отнимало у него много времени, но работа двинулась быстро, по его окончаніи. Прослѣдимъ ея ходъ въ Петербургѣ. Свѣдѣнія почерпаются изъ писемъ: къ Дмитріеву, къ брату, къ Малиновскому, къ Тургеневу, къ Калайдовичу.

9-го Февраля 1819 г., къ Дмитріеву: «Пишу объ Ивашкѣ....»

10-го Февраля къ Малиновскому: «Крайне одолжите, если найдете еще что нибудь о временахъ царя Ивана Васильевича. Скоро-ли выйдетъ II томъ грамотъ?»

Къ нему же отъ 7-го Марта: «Не возвратить ли вамъ часть статейныхъ списковъ, уже мнѣ не нужную, т. е. до 1573 года? Или уже все виѣстѣ? и вотъ просьба: пришлите мнѣ изъ портъ-фели Миллера его піесу о бракахъ царя Ивана Васильевича,

а изъ архивскихъ книгъ Кояловича исторію Литвы, и изъ моихъ книгъ два или три тома in-folio Польскихъ историковъ: чѣмъ меня одолжите. Жду также отъ васъ, за деньги, 2 тома грамотъ».

Апрѣля 4, 1819 г., къ нему же: «Часть статейныхъ списковъ отправлю къ вамъ на Св. недѣль или на Оумной. Нѣтъ-ли у васъ особенной Миллеровой піесы о бракахъ царя Ивана Васильевича? Кажется, что я гдѣ-то читалъ ее; искалъ въ *Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* и не нашелъ».

1-го Мая 1819 г., къ нему же: «Вы крайне одолжите меня сообщеніемъ грамотъ царя Ивана Васильевича, какія найдутся въ Государ. Московскомъ Архивѣ, если онѣ могутъ быть чѣмъ-либо интересны. Дней за 10 передъ симъ отправилъ я въ вашу Архивъ 16 книгъ статейныхъ списковъ».

Отъ того же числа, къ Калайдовичу: «Искренно благодарю васъ за обязательное письмо и за выписку изъ харатейнаго пролога, для меня любопытную. О крестѣ Ольгиномъ говорится и въ печатномъ прологѣ. Сынъ Мстиславовъ былъ Изяславъ, а не Мстиславъ: не описка ли это? Загляните въ подлинникъ. Буду ждать выписки изъ житія Антоніева, сочиненнаго царевичемъ Иваномъ Ивановичемъ».

15-го Мая, къ брату: «Зимою должно кончиться 2-е изданіе моей исторіи».

8-го Іюня, къ Дмитріеву: «9-й томъ изрѣдка пишется и требуетъ еще мѣсяцевъ трехъ прилежной работы, чтобы поступить въ типографію (*), если рѣшусь печатать его: ибо меня беретъ раздумье: въ немъ ужасы!»

(*) А черезъ полтора года 9-й томъ потребовалъ еще шести недѣль, см. письмо отъ 19 Октября 1820 года.

7-го *Юля 1819 г. къ Калайдовичу*: «Замѣчаніе и бумаги для меня любопытны. Первыми я воспользуюсь въ прибавленіи къ исторіи, которое должно быть напечатано въ концѣ 8 тома. Какъ вы изъясняете... (пропускъ)...., и что хотѣли сказать о батогахъ Ярославовой правды?»

1-го *Августа, къ Дмитріеву*: «Въ самомъ дѣлѣ мнѣ трудно рѣшиться на изданіе 9-го тома: въ немъ ужасы, а цензурою моя совѣсть. Я говорилъ объ этомъ съ Государемъ: онъ не расположенъ мѣшать исторической откровенности, но меня что-то останавливаетъ. Духъ времени не есть-ли вѣтеръ? А вѣтеръ перемѣняется. Вопреки твоему мнѣнію, нельзя писать такъ, чтобы невозможно было прицѣпиться. Впрочемъ мнѣ еще надо много писать, чтобы дописать Царя Ивана».

26-го *Августа 1819 г. къ Малиновскому*: «...То ѣзжу въ Павловское къ добродѣтельной Императрицѣ, то читаю корректуры, то пишу 9 томъ исторіи, хотя и мало».

20-го *Октября, къ Дмитріеву*: «Думаю теперь единственно о томъ, чтобы кончить къ Рождеству второе изданіе, а 9-й томъ къ лѣту».

3-го *Ноября, къ нему же*: «Если бы я успѣлъ кончить 9-й томъ къ веснѣ или весной, то могъ бы здѣсь напечатать его и въ Августѣ отправиться».

24-го *Ноября, къ Малиновскому*: «Сообщите мнѣ описаніе путешествія козаковъ въ Китай: оно есть у меня не полное. Я долженъ по крайней мѣрѣ упомянуть о немъ въ 9 томѣ. Мнѣ кажется, что это сказка: какъ вы думаете? Козаки точно посланы были для развѣдыванія о Китаѣ, но подробности не вѣроятны».

Находка рублей любопытна. Я скажу о томъ въ прибавленіяхъ...

«Собираемся къ вамъ на будущее лѣто. Хотѣлось бы только издать здѣсь 9-й томъ, но едва-ли успѣю. Въ мѣсяцъ не прибавилъ ни строки къ написанному. Утра мелькаютъ, и старость приближается; но за зиму ждетъ насъ весна».

15-го Декабря 1819 г. къ Дмитріеву: «Я почти никуда не ѣзжу и ничего не дѣлаю, а времени празднаго не имѣю».

16-го Декабря, къ Малиновскому: «Очень благодарю за бумаги, мнѣ сообщенныя; а вы поблагодарите отъ меня г. Строева».

26-го Января, 1820 г., къ Дмитріеву: «Теперь 2-е изданіе кончилось: увижу, могу ли писать отъ души».

20-го Февраля, къ нему же: «Планъ нашей будущей жизни простирается не далѣе 9-го, часто упоминаемаго, тома исторіи: лучше издать его здѣсь, а тамъ будетъ гдѣ Богу угодно.»

Отъ того же числа, къ Малиновскому: «Прошу прислать ко мнѣ списокъ съ перемирной грамоты Датскаго короля съ Россією, № 1, 1580 г., Августа 28. Это мнѣ крайне нужно—и поскорѣе».

1-го Марта, къ нему же: «Сдѣлайте мнѣ милость, пришлите мнѣ первые два нумера Папскихъ дѣлъ и пятый Цесарскихъ, крайне для меня нужныхъ».

20-го Марта, къ Дмитріеву: «Дописываю 5-ю главу 9 тома. Надобно еще написать и шестую и седьмую, чтобы издать его.»

26-го Марта, къ брату: «Съ нѣкотораго времени пишу опять довольно прилежно, авось къ зимѣ, если Богъ дастъ, допишу 9-й томъ».

1-го Апрѣля 1820 г., къ Дмитріеву: «Пишу. читаю».

19-го Апрѣля, къ нему же: «Думаемъ недѣли черезъ двѣ ѣхать въ Царское Село на лѣто. Хорошо, если бы Богъ далъ мнѣ написать тамъ царя Ивана. Еще двѣ главы остается о Сибири, и проч.»

25-го Мая, къ Малиновскому: «Вы уже знаете, что мы едва было не сгорѣли вмѣстѣ съ дворцомъ; но вѣтеръ затихъ и домикъ нашъ остался цѣль: цѣлы и бумаги и книги архивскія. Ожидаю А. И. Тургенева, чтобы послать къ вамъ черезъ него прибавленіе къ Дипломат. собранію etc. Ибо здѣшній почтмейстеръ не беретъ отъ меня казенныхъ бумагъ. Лѣтопись, которой вы требуете, отъ временъ В. К. Василія Дм. до 1560 года, давно возвращена мною въ Архивъ, то есть, передъ моимъ отъѣздомъ въ Петербургъ; у меня остались только Ростовская и Разряды. Увѣдомьте, найдется ли она у васъ: это меня безпокоитъ».

«Авось и мы къ вамъ возвратимся на то лѣто! Между тѣмъ живемъ день за день, безъ дальнихъ плановъ. Готовлюсь писать о Сибири: она составитъ главу; а тамъ будетъ послѣдняя. Работа все еще занимаетъ меня пріятнымъ образомъ и все еще жалю, что утро коротко».

21-го Іюня 1820 г., къ Дмитріеву. «Между тѣмъ я въ Сибири: пишу о твоёмъ героѣ Ермакѣ. Но жалуясь на худые матеріалы: ищу и не нахожу ничего характернаго; все бездушно, а выдумывать нельзя.»

(Жалоба эта вскорѣ оказалась неосновательною: онъ нашелъ новую Сибирскую лѣтопись, и увѣдомилъ Дмитріева):

9-го Июля, 1820 г. «Я кончилъ главу о завоеваніи Сибири: вотъ еще поэма Ермаку! Теперь остается одна глава до конца тома».

27-го Августа. «Около мѣсяца уже ничего не дѣлаю (вслѣдствіе болѣзни), описавъ завоеваніе Сибири и подвиги Ермаковы. Остается одна глава, но Богъ знаетъ, когда напишу ее».

20-го Сентября. «Кое-какъ опять начинаю марать бумагу».

28-го Сентября. «Пишу все еще слишкомъ мало и плохо; но если буду здоровъ, то въ Октябрѣ публикую въ газетахъ о подпискѣ на 9-й томъ, чтобъ знать, сколько экземпляровъ печатать».

19-го Октября. «Видишь, что мы еще наслаждаемся сельскими красотами. Вывезу отсюда Ермака съ Сибирью и смерть Иванову, но безъ хвоста, который требуетъ еще добрыхъ недѣль шести работы. Между тѣмъ объявлю подписку на 9-й томъ, и мѣсяца черезъ три отдамъ его въ типографію, если Богъ дастъ».

10-го Декабря, къ Малиновскому: «Послѣдняя глава IX тома мною дописана; на сихъ дняхъ отдамъ въ печать, а на слѣдующей почтѣ отправлю къ вамъ ящикъ съ статейными списками, прося васъ, любезнѣйшій, доставить мнѣ скорѣе всѣ матеріалы для описанія Θεодорова царствованія: кромѣ дѣлъ не найдете ли и другихъ бумагъ любопытныхъ? Вспомните и пойдите. Вы меня дружески одолжите».

Въ Январь 1821 г. «IX томъ поступилъ въ типографію».

25-го Января 1821 г., къ Дмитріеву: «9-й томъ печатается, но развѣ только около Мая выйдетъ».

30-го Января, къ Малиновскому: «Придагаю

записку о нужныхъ для меня бумагахъ архивскихъ. Требую многого; но что дѣлать: все необходимо. Убѣдительно прошу васъ, любезнѣйшій, немедленно отправить ко мнѣ ящикъ жду его, чтобы начать 10-й томъ. Это теперь отъ васъ зависитъ; а время дорого для автора пятидесятилѣтняго съ хвостикомъ. 9-й томъ печатаютъ огромный, съ нотами. Доставлю его вамъ въ листахъ, но не прежде Апрѣля. Хотѣлось бы дописать до Романовыхъ: тутъ конецъ поэмы—остальное наследникамъ. Еще бы два тома, и поклонъ исторіи! но не обманываю себя: едва-ли удастся, развѣ Богъ поможетъ! Лѣта склоняютъ мой умъ къ метафизикѣ: это негодится для изображенія дѣйствій и характеровъ. Одна надежда на сердце, еще не со-всѣмъ старое.

«Укладываю теперь ящикъ для отправленія къ вамъ: книгъ 20 и статейныхъ списковъ и печатныхъ».

«Вмѣсто записки возвращаю вамъ реэстры и прошу всѣхъ бумагъ, при коихъ поставленъ знакъ X. Не найдете ли по вашей просьбѣ и еще чего-нибудь?»

«Сдѣлайте милость, реэстры пришлите мнѣ назадъ, чтобы я видѣлъ, все-ли мнѣ доставлено».

27-го Февраля 1821 г., къ Дмитріеву: «Могу спокойно заниматься корректурою. Эта работа продолжится, думаю, еще мѣсяца два. Я сталъ, кажется, лѣнивѣе, и кажется менѣе жалѣю о времени, которое уходитъ».

3-го Марта, къ Малиновскому: «Сердечно благодарю васъ за доставленіе двухъ ящиковъ съ архивскими бумагами: ожидаю еще. Полученное разбираю и нѣсколько строкъ X тома уже написано. Кажется, что это царствованіе не займетъ ни половины его. Хорошо, если бы до Января кончить, ибо работа моя

уже не спора. 13 листовъ IX тома отпечатаны: къ Маю выйдетъ».

3-го Марта, къ нему же: «Прилагаю записку къ г. Калайдовичу. Надѣюсь, что въ Архивѣ полученъ отъ мѣня ящикъ съ статейными списками и проч.

«Сдѣлайте мнѣ дружеское одолженіе, прикажите г. Калайдовичу или другому сдѣлать подробное описаніе наружности, лица и вида царя Θεодора Іоанновича, съ его изображенія надъ гробницею въ Архангельскомъ соборѣ—и какъ можно скорѣе мнѣ доставьте».

Отъ того же *3-го Марта, къ Калайдовичу* (записка): «Очень, очень благодарю васъ, милостивый государь мой, К. Θ., за ваше любопытное письмо о Славяннѣ Изокѣ: хотя и съ сожалѣніемъ, но должно разжаловать его изъ птицъ въ сверчки. Въ концѣ IX тома напечатано нѣсколько строкъ изъ вашего письма. Продолжайте открывать, объяснять, продолжайте и быть благосклонны къ вашему покорнѣйшему Н. Карамзину».

10-го Марта, къ Малиновскому: «Отъ души и сердца благодарю васъ за доставленіе мнѣ архивскихъ бумагъ и за ваше дружеское письмо. Прилагаю росписку. Развѣ уже нѣтъ статейныхъ списковъ сего времени въ книгахъ (кромѣ столбцовъ), ни Цесарскихъ, ни Шведскихъ, etc? Польскія дѣла идутъ у меня только до 1588 г.; сдѣлайте милость, пришлите слѣдующія, весьма для меня нужныя, до кончины Θεодора; также и то, что вы мысленно для меня намѣтили, и чего буду ждать съ нетерпѣніемъ. Обязите историографа и друга!

31-го Марта къ Дмитріеву: «Текста отпечатано 21 листъ. Примѣчаній болѣе половины. Авось къ

Маю весь томъ будетъ готовъ! Здѣсь кто-то разгласилъ, что онъ уже запрещенъ. Блудовъ предпочитаетъ его веѣмъ осьми томамъ. Это Петербургская работа, кромѣ 20 или 30 страницъ въ началѣ. Хотѣлось бы дойти до Романовыхъ, и тогда проститься съ исторіей».

4-го *Апрѣля*, къ *Малиновскому*: «Прилагаю рукописку. Вы меня одолжите веѣмъ, что сообщите мнѣ о временахъ *Феодора*. Я началъ *X* томъ кое-какъ. Еще занимаюсь корректурами *IX*, котораго печатаніе продолжится до *Мая*; не замедлю доставить его вамъ. Скажите спасибо *К. Ф. Калайдовичу* за описаніе *Феодорова лица*».

(Между тѣмъ начались переводы исторіи, которые отнимали у *Карамзина* много времени. Онъ долженъ былъ просматривать нѣкоторые и исправлять ошибки. Соберемъ объ нихъ главныя мѣста изъ писемъ).

Октября 20, 1819 г., къ *Дмитріеву*: «Въ *Парижѣ* давно вышелъ *1-й томъ*, но не знаю полученъ ли въ *Петербургѣ*. Я видѣлъ его у *Императрицы*. Пробѣжалъ и замѣтилъ *30 ошибокъ*. Нѣмецкій переводъ еще не вышелъ, думаю. Въ печатныхъ листахъ *1-го тома*, мною полученныхъ, также есть грубыя ошибки. Богъ съ ними, господами переводчиками!»

15-го Декабря, къ нему-же: «Съ двухъ сторонъ терзаютъ меня переводчики моей исторіи; труда много и вздору много; въ томъ и въ другомъ переводѣ ошибки смѣшныя».

29-го Декабря, къ нему-же: «Ты прислалъ мнѣ проэктъ весьма умнаго отвѣта къ *Жофре*, и я посылаю тебѣ оригиналъ забавно-глупаго письма во вкусъ *Пирогова*: разсмѣешься ли? Переводъ Французскій

не дуренъ и по большей части вѣренъ; но довольно ошибокъ отъ небреженія. Одинъ Парижскій журналистъ говоритъ: la traduction est facile et agreable, а другой: la traduction n'est pas elegante et n'est pas assez française. Въ сочиненіи же находятъ ясность, хорошее раздѣленіе, искусство, быстроту, философскія мысли; но одинъ журналистъ, якобинецъ Comte, упрекаетъ меня робостію, другой (le Courcier) недостаточнымъ проицаніемъ въ разборѣ того, что свойственно всѣмъ народамъ, и что одному Русскому. Употребляютъ выраженія такіа: les bons juges admireront то и другое; хотятъ сообщать выпски; однимъ словомъ, довольно пустословія, а мало дѣльнаго. На Французскомъ уже вышло 4 тома, т. е. вся суть, а Нѣмецкомъ еще одинъ томъ, въ которомъ я счелъ 100 ошибокъ, отчасти грубыхъ и непонятныхъ; напр. 17-й вѣкъ вмѣсто VI; до Рож. Хр. вмѣсто до введенія христіанской вѣры».

26-го Января 1820 г. къ Дмитріеву: «Еще отнимаютъ у меня время переводчики. Изъ Венеціи прислали ко мнѣ манифестъ о новомъ Италіянскомъ переводѣ: Storia seritta du Consigliere di Karamsin. Москвини и Гамба переводятъ ее съ Французскаго. Вода къ водѣ, ошибки къ ошибкамъ. Я писалъ для Русскихъ, для купцовъ Ростовскихъ, для владѣльцевъ Калмыцкихъ, для крестьянъ Шереметева (см. имена пренумерантовъ въ VIII томѣ), а не для Западной Европы».

11-го Ноября, 1820 г. къ нему-же: «Знаешь-ли, что я, читавъ равнодушно десять или двадцать благопріятныхъ отзывовъ Французскихъ, Нѣмецкихъ, Италіянскихъ, былъ тронуть статьею Мониторъ о моей исторіи. Этотъ академикъ посмотрѣлъ ко мнѣ въ

душу: я услышалъ какой-то глухой голосъ потомства. Но...shut!»

(Не правда-ли, читатели, что очень любопытно узнать отзывъ, который доставилъ такое удовольствіе Карамзину, объ которомъ отзывается онъ съ такою теплотою: «критикъ заглянулъ мнѣ въ душу... я услышалъ глухой голосъ потомства»?)

К. С. Сербинновичъ отыскалъ этотъ номеръ Мониторъ; предлагаемъ его цѣликомъ, чтобъ читатели увидѣли все высокое, безпримѣрное смѣреніе Карамзина.

Le Moniteur Universel, 1820 Mercredi, 1 Novembre. № 306.

A l'époque où la Russie est parvenue à exercer sur les affaires de l'Europe une influence relative à l'étendue de sa puissance, on recherche avec curiosité tous les détails, toutes les notions positives, qui peuvent développer les causes de la grandeur toujours croissante de cet empire. Quelques ouvrages historiques les avaient rapidement représentées, mais se hâtant d'arriver aux époques contemporaines, ils négligeaient une foule de renseignemens précieux sur un peuple à peine connu de nous au commencement du 18 siècle et placé aujourd'hui à la hauteur de la civilisation européenne. Ces motifs expliquent les succès mérités de l'ouvrage de M. de Karamzin. En effet dans son plan méthodique, dont les parties dissimilaires arrivent successivement sous les yeux du lecteur sans confusion, sans obscurité, l'auteur offre un vaste tableau de sa patrie, depuis la plus haute antiquité jusqu'à nous. *Ses réflexions toujours judicieuses sont dictées par une saine philosophie et l'impartialité; son style*

est grave, soutenu et respire je ne sais quel air de bonne foi, de nationalité (si on peut s'exprimer ainsi), qui montre dans l'historien l'honnête homme avant le savant: tout est appuyé sur des documents authentiques, et cette histoire, fruit de quatorze années de travail, basée sur les recherches les plus exactes dans les annales et les archives nationales, doit être placée au rang des ouvrages classiques, qui font le plus d'honneur à la littérature moderne.

Можно ли автору быть умѣреннѣе, скромнѣе въ своихъ ожиданіяхъ? Явленіе удивительное! Вотъ черта, которая лучше всего изображаетъ намъ высокую душу Карамзина. Великій писатель, заслуженный историкъ, знаменитый гражданинъ, умалчивая о всѣхъ своихъ заслугахъ и правахъ на признательность потомства, радуется больше всего тому, что потомство признаетъ его честнымъ человѣкомъ. И тутъ еще онъ боится сказать лишнее слово въ письмѣ къ другу... chut!)

«Либеральный Constitutionnel въ № 13 Октября (продолжаетъ Карамзинъ въ томъ же письмѣ) осыпалъ меня похвалами; сказалъ: M. Karamsin s'est placé au premier rang des historiens les plus célèbres; son histoire plait à l'Europe: elle plaira à la postérité. Хвалить даже мою либеральность вопреки либералистамъ! Странно, что они, Французы, въ тѣни находятъ болѣе, нежели иные мои братья Русскіе въ вещи! (Тѣнью называю переводъ). Я мысленно и словами часто бранилъ Французскихъ переводчиковъ, а первые Парижскіе журналисты хвалятъ ихъ даже ревностно!»

28-го Ноября 1820 г. «А. Thomas выдалъ въ Парижѣ 7 и 8 томъ Французскаго перевода моей

исторіи, не показавъ мнѣ въ манускриптѣ, и не дож-
давшись того перевода, который былъ посланъ къ
нему отсюда, и мною пересмотрѣнъ. Будетъ много
нелѣпицы. Жаль! иностранная критика приняла пере-
воды благосклонно.»

3-го Января 1821 г., къ Дмитріеву: «Во Фран-
цузскомъ переводѣ VII и VIII тома есть грубыя
ошибки: впрочемъ не стѣитъ труда писать объ этомъ
для Французской публики.

«Самолюбіе мое не излишне щекотливо, и другимъ
вредить не люблю. Будетъ съ меня и того, что
имѣю».

(Возвращаемся къ сообщенію свѣдѣній о ходѣ ра-
боты исторической):

2-го Мая 1821 г. къ Дмитріеву. «Послѣдніе ли-
сты 9-го тома въ корректурѣ; желаю писать 10-й
пока еще могу писать».

24-го Мая, къ брату: «Государя ожидаютъ сюда
(въ Царское Село) къ вечеру. Я долженъ вручить
ему 9-й томъ своей исторіи. Пишу 10-й томъ, хоть
и не споро. Работа для меня все еще необходима,
если уже и менѣ пріятна».

24-го же Мая, къ Малиновскому: «Очень благо-
дарю за рукопись Татищева: въ ней есть кое-что.
Развѣ въ Архивѣ нѣтъ дѣлъ Нагайскихъ сего вре-
мени, т. е. статейныхъ списковъ переплетенныхъ?
Увѣдомьте. Пишу X-й томъ мало по малу».

10-го Июня, къ Дмитріеву: «Пишу 10-й томъ,
если не для славы и не для денегъ, то по крайней
мѣрѣ для своего тихаго удовольствія».

13-го Июня, къ Калайдовичу: «Спѣшу сказать
вамъ въ отвѣтъ, что я не знаю другаго Турова, кромѣ
Минскаго, существующаго нынѣ въ видѣ бѣднаго мѣс-

течка. Тамошній монастырь Бориса и Глѣба исчезъ вмѣстѣ со многими иными въ Россіи. Убѣдительно прошу васъ исполнить обѣщаніе, т. е. доставить мнѣ новыя, какъ говорите, свѣдѣнія о Лжедмитріѣ.»

2-го Августа 1821 г., къ Малиновскому: «Сердечно благодарю и за дружеское письмо и за доставленіе бумагъ, въ которыхъ есть нѣчто для меня любопытное: напимѣрь, извѣстіе о дядкѣ Царя Θεодора. Все возвращу вамъ изъ Петербурга. Между тѣмъ сдѣлайте милость, постарайтесь, чтобы К. Θ. Калайдовичъ скорѣе доставилъ мнѣ лѣтопись, купленную для графа Румянцова: она содержитъ въ себѣ что-то неизвѣстное о Дмитріѣ etc. Пожалуйста исполните мою просьбу. Я теперь весь въ Годуновѣ: вотъ характеръ исторически трагическій! Кончилъ первую главу Θεодорова царствованія».

30-го Сентября, къ нему же. Я бреду впередъ; описываю теперь убіеніе Дмитрія. Ради Бога и дружбы дайте мнѣ, что найдете въ прибавокъ къ матеріаламъ. Доставьте мнѣ, любезнѣйшій мой пособникъ, генеалогію Шуйскихъ до царя Василя Ивановича; она вѣрно есть въ Архивѣ. Да нѣтъ ли еще какой бумаги о посвященіи нашего перваго патріарха, Іереміи; вы мнѣ одну сообщили и не полную. Печатное мнѣ извѣстно, какъ въ Собраніи грамотъ, такъ и въ Вивлюэикѣ. Нѣтъ ли чего въ библиотекѣ Синодской? Поговорите о томъ съ К. Θ. Калайдовичемъ, котораго очень благодарю за лѣтопись о Дмитріѣ; у меня былъ ея списокъ, но весьма худой. О найденной золотой медали въ Черниговской губерніи ничего не знаю: буду ждать отъ васъ слѣпка или описанія».

5-го Декабря 1821 г., къ Малиновскому: «Не-

терпѣливо желаю читать *обозрѣніе сношеній Россіи съ Портою*, и буду просить его. Я давно не видалъ графа Каподистрія, хотя пріятельская связь наша и не измѣнилась: онъ занятъ, а я лѣнивъ на выѣзды; еще лѣнивѣе прежняго. Вотъ дѣйствіе лѣтъ и мысли о непорочности житейской! днакожъ занимаюсь еще усердно исторіею; скоро отправлю къ вамъ ящикъ съ архивскими бумагами, и прошу васъ, любезнѣйшій Алексѣй Феодоровичъ, изготovitъ для меня все, относящееся къ царствованію Годунова: желаю спѣшить, спѣшить! въ Греческой грамотѣ о патріаршествѣ не имѣю большой нужды: не присылайте ее. Но сдѣлайте милость, не забудьте ничего любопытнаго о временахъ Годунова: хочется отдѣлать его цѣльно, не отрывкомъ. Радуюсь, что и вы съ живымъ удовольствіемъ описываете добрую Москву: это прекрасный подарокъ для современниковъ и потомства. На сихъ дняхъ встрѣтилось мнѣ въ бумагахъ 1597 года описаніе двадцати или тридцати блюдъ царскаго стола: находка любопытная! извѣстіе о надписи Фотіева сакаса оставляю для третьяго изданія исторіи, если доживу до него».

Января 2, 1822 г., къ Дмитріеву: «Въ исторіи приближаюсь къ концу Феодорова царствованія: пишу еще съ удовольствіемъ, и буду доволенъ, если Богъ дастъ мнѣ кончить этотъ томъ къ слѣдующему Январю».

29-го Января, къ Малиновскому: «На сей почтѣ отправляю въ Архивъ всѣ бумаги Феодоровыхъ временъ, и дружески прошу васъ доставить мнѣ *немедленно* статейные списки и столбцы царствованія Годунова и Лжедмитрія, дѣла Европейскія и Азіатскія: Польши, Австріи, Англіи, Швеціи, Италіи etc., Ту-

реція, Крымскія, Нагайскія, Персидскія, Грузинскія, Кабардинскія etc; также и дѣла *внутреннія*: безъ вашей дружеской милости не могу начать Годунова, буду ждать съ нетерпѣніемъ. Слѣшу къ дѣли: ибо могу умереть или сдѣлаться неспособнымъ къ работѣ; могутъ перемѣниться и обстоятельства; а не худо, по моему удостовѣренію, чтобы вышло еще тома два моей исторіи. Богъ сдѣлаетъ по своему, но наше дѣло гадать, совѣтуясь съ умомъ и совѣстію.

«Прошу еще прислать мнѣ *духовную* Іоанна Грознаго и похвальное слово Годунову, доктора Фридека, (или какъ его зовутъ?); еще *la légende*, еще *Histogiam belli Suevo Moskovitici decennalis*, Видекиндову, еще Мильтоновъ *History of Moscovia u the ancient and present state of Moscovy*.

«Ради дружбы скорѣе шлите мнѣ матеріалы».

9-го Февраля 1822 г., къ Дмитріеву: «Утра мои не праздничныя: мараю, какъ обыкновенно, бумагу, въ ожиданіи новой присылки изъ Архива Московскаго».

27-го Февраля, къ Калайдовичу: «Очень благодарю за ваше обязательное письмо, любопытную грамоту и примѣчанія. Крайне одолжите меня, если возьмете на себя трудъ выписать и доставить мнѣ страницы двѣ изъ статейныхъ списковъ Австрійскаго двора № 8 и 341, о движеніяхъ Кіевскаго митрополита и духовенства въ пользу уніи: я отослалъ эту книгу въ Архивъ, не выписавъ того, что мнѣ весьма нужно».

31-го Марта 1822 г., къ Дмитріеву: «Я кончилъ 4 ю главу 10-го тома, и примусь за Годунова, описавъ судьбу Россіи подъ скиптромъ Варяжскаго дому».

4-го Мая, къ Малиновскому: «Увѣдомьте, осталась ли въ Грановитой палатѣ на стѣнахъ старая живопись? и что? мнѣ это нужно знать. Пишу запросъ къ г. Калайдовичу: убѣдите его отвѣчать мнѣ съ нѣкоторою подробностію, объ одной изъ рукописей гр. Толстаго».

Того же числа, къ Калайдовичу: «Въ каталогѣ графа Ѳ. А. Толстаго, подъ № 237 въ четвертку есть извѣстіе объ умершемъ въ 7087 году Ростовцѣ Иванѣ. Сдѣлайте одолженіе, выпишите мнѣ нѣкоторыя подробности его жизни и сообщите».

19-го Мая, къ Малиновскому: «Прошу васъ убѣдительно сдѣлать мнѣ еще истинно-дружеское одолженіе,—доставить если не всю Беерову Московскую лѣтопись, то хотя выписку изъ нея о временахъ Годунова и Лжедимитрія: возвращу вамъ, если прикажете, черезъ недѣлю, и даю слово не огласить, что знаю и видѣлъ эту лѣтопись, пока графъ Н. П. самъ не дастъ ее мнѣ. Но теперь было бы долго съ нимъ описываться, а мнѣ часъ дорогъ. Занимаюсь именно соображеніями происшествій и характеровъ сего времени. Не огорчите исторіографа: не столько его труды, сколько дружба къ вамъ достойна исполненія этой просьбы, почти слезной. Говорю не въ шутку. Ради Бога! черезъ двѣ недѣли лѣтопись возвратится къ вамъ сохранно: исправность почты и любезнаго Булгакова вамъ извѣстна. Порадуйтесь моимъ нетерпѣніемъ: оно доказываетъ, что я еще не умеръ душою.—Буду ждать отъ васъ отвѣта милостиваго. Ободрите меня!

«Откуда вы взяли планъ Кремля XVII вѣка, присѣщенный къ вашему описанію Москвы? Сдѣлайте также одолженіе, пришлите мнѣ космографію, въ ко-

торой находится древнѣйшая карта Россіи, времянь Годунова: вы знаете эту книгу вашей архивн. библиотекки».

31-го Мая 1822 г. «Уже двѣ недѣли живемъ здѣсь и хвалимся краснымъ лѣтомъ. Садъ цвѣтетъ и благоухаетъ. Мы здоровы и благодаримъ Бога. Только худо работаю: больше сижу, нежели пишу въ кабинетѣ, но и на это не хочу жаловаться, чтобъ какъ можно менѣе быть малодушнымъ».

5-го Іюня, къ Малиновскому: «Со всею дружескою чувствительностію благодарю васъ, за сообщеніе мнѣ драгоценной лѣтописи: это конечно трогательное доказательство вашей милой дружбы; оно дѣйствительно тронуло меня до глубины души. Я дозволилъ себѣ быть нескромнымъ по любви къ дѣлу, не бесполезному для ума и нравственности нашего отечества; обрадовался вашему пакету какъ ребенокъ, и три дня сижу за рукописью, читая и замѣчая, не жалѣя глазъ, ибо письмо нечетко, связно, крючковато. Эту лѣтопись имѣлъ Шведъ Петрей, и взялъ изъ нея почти все свои извѣстія о временахъ Годунова, Лжедмитрія etc.

«Есть любопытныя подробности; надѣюсь управиться недѣли въ двѣ, и прямо отсюда въ казенномъ пакетѣ отправлю рукопись черезъ Архивъ къ вамъ».

«Между тѣмъ надѣюсь увидѣть и графа на сихъ дняхъ: онъ въ Петербургѣ. Буду просить у него лѣтописи, не упоминая объ васъ: онъ самъ нѣкогда говорилъ мнѣ объ ней. Заклучу тѣмъ, что обнимаю васъ за это одолженіе съ дружескою нѣжностію».

8-го Іюня 1822 г. «Калайдовичъ сообщилъ еще дополнителныя извѣстія объ Іоаннѣ большомъ колпакѣ, о времени его кончины, о кончинѣ въ 1430 г. иконописца Андрея Рублева, который погребенъ вмѣ-

стѣ съ своимъ сподвижникомъ Данииломъ Чернымъ, въ Московскомъ Андроніевомъ монастырѣ, гдѣ они расписали церковь. Къ сему присоединяю (пишетъ Калайдовичъ), если вамъ неизвѣстно, молитву надъ чашею. Въ степенной, изъ которой я оную выписалъ, замѣчено, что Годуновъ приказалъ сію высокопарную молитву сочинить своимъ ученымъ и провозглашать при питъѣ за здоровье Царя на трапезахъ».

16-го Іюня, къ *Дмитріеву*: «Исторіи еще не измѣняю: сижу въ кабинетѣ часовъ по пяти, хотя иногда и бесплодно».

20-го Іюня 1822 г., къ *Малиновскому*: «Возвращаю Беерову хронику, сличивъ ее съ Петреемъ, который выписалъ изъ нея всѣ свои извѣстія о Россіи, но утаивъ источникъ. Кое-что пропущенное имъ я замѣтилъ для себя, напримѣръ: числа, имена мѣстъ, людей и случаевъ, пять-шесть любопытныхъ. И канцлеръ обѣщалъ мнѣ эту рукопись, но забылъ гдѣ она, и хочетъ искать».

«Здѣсь работаю какъ-то не очень удачно; однакожь не теряю усердія и прилежанія. Хотѣлось бы, если буду живъ, издать зимою X томъ».

10-го Августа, къ *нему же*: «Въ X томѣ я также написалъ нѣсколько строкъ о Москвѣ, въ главѣ особенной, гдѣ говорю о тогдашнемъ гражданскомъ состояніи Россіи. Спасибо за сочиненіе Матвѣева; но точно ли оно Матвѣева?... Отъ (гр. Румянцева) получилъ я хронику Бера въ Русскомъ переводѣ и еще кое-что. Скажите ему, что я желалъ бы имѣть копію съ историческихъ бумагъ, вамъ отъ него сообщаемыхъ: вѣроятно онъ не откажетъ. Рязанскія древности я уже имѣлъ отъ самого Государя, съ которымъ мы на долго разстались, къ нашему сердеч-

ному сожалѣнію. Скоро надѣюсь отправить къ вамъ почти всѣ архив. бумаги, т. е. дѣла дипломатическія; я кончилъ главу о нашихъ сношеніяхъ съ Европою и съ Азіею при Годуновѣ. Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь годнаго для меня въ портфеляхъ Миллеровыхъ? Метрика Литовская и коронная здѣсь въ третьемъ Департаментѣ Сената: въ ней есть нѣчто любопытное, но мало. Она начинается со временъ короля Александра. Канцлеръ обѣщалъ мнѣ III томъ грамотъ, но еще не прислалъ, онъ велѣлъ исключить сказанное вами объ немъ въ предисловіи. Я замѣтилъ одну мало-важную ошибку въ текстѣ грамотъ, пробѣжавъ ихъ пять или шесть на скоро въ кабинетѣ у графа».

7-го Сентября 1822 г., къ Дмитріеву: «Нынѣшняя зима, т. е. Сленинъ и X томъ Россійской исторіи могутъ рѣшить, здѣсь ли мнѣ умереть, или въ Москвѣ, или въ Арзамасѣ».

22-го Сентября, къ Малиновскому: «Наполнивъ два ящика архивскими бумагами, черезъ три дня отправлю ихъ къ вамъ, если только примутъ на здѣшней почтѣ, а между тѣмъ прошу сдѣлать милость — немедленно доставить мнѣ № 26 (двадцать шестой) Польскихъ дѣлъ, гдѣ разсказывается исторія Отрепьева, чрезъ нѣкоторое же время (т. е. когда получите мои ящики) и всѣ дѣла, всѣ бумаги отъ временъ Годунова до Михаила Фѣдоровича, ихъ не много, какъ думаю. По вашей дружбѣ къ историку не забудьте ничего, любезнѣйшій Алексѣй Фѣдоровичъ. Описавъ всѣ наши дипломатическія сношенія Борисова царствованія, начинаю описывать гоненіе Романовыхъ голодъ, разбой и явленіе Самозванца: это ужаснѣ Батыева нашествія».

30-го Октября 1822 г., къ Дмитріеву: «На

прошедшей надѣлъ я ночевалъ въ Гатчинѣ, и читалъ Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ главу объ избраніи Годунова въ цари, вмѣсто главы изъ романа Вальтеръ-Скоттова, и Гатчинское общество не дремало. Хорошо, если бы удалось съ нѣкоторою живостію дойти до конца, мною предполагаемаго, чтобы высоко-благородное потомство, дочитавъ, могло сказать: жаль!— Нарочно для тебя я велѣлъ перевести статью славнаго Нѣмецкаго историка Герена о моей исторіи.

«Я хотѣлъ выдать 10-й томъ нынѣшнею зимою, но теперь раздумываю: лучше кажется дописать исторію Самозванца и тогда выдать: слѣдственно не прежде лѣта или осени».

19-го Ноября, къ нему же: «Совѣтуешь мнѣ издать скорѣе 10-й томъ... Я самъ не хотѣлъ бы откладывать, но лучше, кажется, выдать исторію Лжедмитрія уже полную: въ царствованіе Годунова онъ только начинаетъ дѣйствовать. Впрочемъ увижу, какъ пойдетъ».

11-го Декабря, 1822 г., къ Малиновскому: «Благодарю васъ за всѣ бумаги архивскія; я не скуденъ матеріалами, однакожь все еще прошу поискать, не найдется ли чего въ Миллеровыхъ портфеляхъ. Ваше дружеское содѣйствіе оживляетъ мою добрую волю къ исторической работѣ. Выдуманная рѣчи Гр. Вас. Годунова и Клешина не прельщаютъ моего воображенія: пусть издастъ ихъ г. профессоръ! У насъ избраніе Борисово описано весьма подробно въ государственныхъ бумагахъ. Сдѣлайте одолженіе, сообщите мнѣ надпись большой Кремлевской пушки и пищамя Троилъ, вылитыхъ Анд. Чоховымъ, съ означеніемъ ихъ вѣса и года (1586 и 1590 ?.) Нетерпѣливо ожидаю вашего Китая и Бѣлаго города. Въ особенной

главѣ, послѣ царствованія Θεодора, я сказалъ все, что нашелъ о почтеннѣйшей Москвѣ. Теперь пишу о Самозванцѣ, стараясь отличить ложь отъ истины. Я увѣренъ въ томъ, что онъ былъ дѣйствительно Отрешевъ-Разстрига. *Это не новое, и тѣмъ лучше*».

(Молодые ученые! Замѣтите это высокое выраженіе истиннаго ученаго).

14-го Декабря, къ Дмитріеву: «Выступилъ на сцену, въ Сѣверномъ Архивѣ, мой новый неблагопріятель, какой-то ученый Полякъ (*), начинающій свою глубокомысленную критику объявленіемъ, что онъ ни въ чемъ не согласенъ со мною, и что всѣ мои мысли объ искусствѣ историческомъ ложны. Богъ съ ними и со всеми! Всего забавнѣе, что и Фаддей Булгаринъ, издатель Сѣвернаго Архива, считаетъ за должность бранить меня, и пересталъ ко мнѣ ѣздить. По крайней мѣрѣ я дѣломъ либералистъ. Пусть говорятъ и пишутъ, что хотятъ».

1-го Января 1823 г., къ Дмитріеву: «Мы встрѣтили новый годъ у нашей любезной хозяйки. Я съѣздивъ поздравить Императрицъ, и до обѣда успѣлъ еще написать строкъ десять о Самозванцѣ.

«Работаю довольно и хожу пѣшкомъ».

16-го Января, къ брату: «10-й томъ моей исторіи готовъ; но я отложилъ печатать его до будущей осени, чтобы кончить всю исторію Лжедмитрія».

12-го Апрѣля, къ Малиновскому: «Сердечно благодарю васъ и за дружеское письмо и за бумаги Миллеровскія, въ которыхъ я уже нашелъ кое-что любопытное: именно разряды до Михайла Θεодоровича; бывшіе у меня или такъ далеко не шли, или

(*) Это Делевель.

не такъ подробны. Работаю еще усердно; кончилъ Федора Борисовича и начинаю Лжедимитрія. Буду очень доволенъ, если Богъ дастъ мнѣ хотя осенью начать Шуйскаго. Въ такомъ случаѣ X и XI томы могли бы къ веснѣ поступить въ книжныя лавки, осталось бы написать XII томъ и *сoup d'oeil* до нашихъ временъ, для роскоши, а тамъ.. субботствовать до отбытія въ нашу родину—вѣчность, гдѣ хотѣлось бы мнѣ самому приготовить хорошія мѣста для всѣхъ моихъ милыхъ, живыхъ до нынѣ.

«Сдѣлайте одолженіе, прикажите между моими книгами, лежащими въ Архивѣ, найти 3 или 4 тома in quarto подъ титломъ: *Geschichte der Slaven, von Gebhard*, и доставить мнѣ скорѣе».

1823 г. 20-го *Іюня*, къ *Дмитріеву*: «Много времени пропало для Самозванца (вслѣдствіе болѣзни), но можетъ быть это дастъ живость будущей работѣ».

10-го *Августа*, къ *Малиновскому*: «За работу кое-какъ принимаюсь, но не усердно».

5-го *Октября*, къ *Калайдовичу*: Карамзинъ благодарить его за любопытное извѣщеніе о надгробной надписи Белевой. «Въ Псковской лѣтописи нѣтъ ничего особеннаго объ этомъ героѣ: тотъ ея списокъ, о которомъ вы говорите, уже давно возвращенъ мною графу Толстому чрезъ его зятя. Монеты Владиміровы, золотую и серебряную, я видѣлъ здѣсь и считаю истинными, неподдѣльными. Такъ думаетъ и знаменитый Кругъ. Продолжайте ревностно заниматься нашими древностями, ищите, открывайте и будьте всегда благосклонны къ вашему покорнѣйшему слугѣ Н. Карамзину».

18-го *Октября*, къ *Дмитріеву*: «Дописываю теперь Самозванца и думаю въ началѣ зимы приступить

къ печатанію двухъ томовъ или томиковъ: въ одномъ будетъ царствованіе Феодора Іоанновича и взглядъ на тогдашнее состояніе Россіи; въ другомъ Годуновъ, сынъ его и Лжедмитрій. Послѣ болѣзни имѣю къ себѣ мало довѣренности: не ослабѣла ли голова съ памятью и воображеніемъ?»

24-го *Ноября*, къ *Калайдовичу*: Благодарить за обѣ приложенныя бумаги, особенно за Данилово слово. «Объ этомъ заточникѣ упоминается въ V томѣ, въ прим. 48 Рос. Ист. Онъ жилъ при Георгіѣ Долгорукомъ. Ростиславъ, не хотѣвшій княжить въ Курскѣ, долженъ быть сыномъ Георгія. Думаю помѣстить въ прибавленіяхъ VIII тома и Данилово слово и ваше любопытное извѣстіе о найденныхъ рубляхъ, равно какъ и подпись о Калитѣ. Вы хотѣли мнѣ сказать что-то о..... Продолжайте одолжать меня вашими замѣчаніями и сообщеніемъ любопытныхъ бумагъ. Собору я не очень вѣрю. Какъ вы думаете?»

27-го *Ноября 1823 г.*, къ *Дмитріеву*: «Новые томы исторіи печатаю уже на свой счетъ. Сленинъ худо платить».

Того же числа, къ *Дмитріеву*: «Всякій день хожу на поклонъ къ журналисту и содѣжателю типографіи Гречу: вотъ мой дворъ».

1-го *Декабря*, къ *брату*: «Теперь я занимаюсь печатаніемъ двухъ новыхъ томовъ Росс. Исторіи: брожу въ типографію, порчу глаза корректурами и при томъ оставляю не мало ошибокъ, къ немалой своей досадѣ. XI томъ заключается избраніемъ Шуйскаго. Дописываю ноты къ Самозванцу; а тамъ примусь и за Шуйскаго, если Богъ дастъ».

1-го *Января 1824 г.*, къ *Дмитріеву*: «Не безъ частыхъ досадъ; занимаюсь печатаніемъ, не жалѣю

денегъ, а идетъ плохо. О! народъ Русской, котораго исторію писалъ я съ такимъ чувствомъ! Лучше писать, нежели печатать ее въ Русской типографіи».

21-го Января 1824 г.: «Томъ отпечатанъ, кромѣ осьмушки. Бѣлыя тетради царствованія Разстригина остались у Государя; я велѣлъ снова писать эту главу».

22-го Января, къ Малиновскому: «Спасибо вамъ за дружескіе совѣты, въ разсужденіи печатанія отчасти я такъ и дѣлалъ, впрочемъ полагаюсь на честность типографіи. Не жалѣю глазъ, усердно занимаясь корректурами. Набираютъ уже XI-й томъ; авось къ половинѣ Марта отдѣлаюсь. Теперь совсѣмъ не пишу Исторіи; отдыхаю или грубѣю умомъ, ослабленнымъ можетъ быть и болѣзнію».

4-го Февраля, къ Дмитріеву: «И въ простудѣ хлопочу съ типографіею. Каждый день для меня до-рогъ и печатаютъ медленно отъ безпорядка Русскаго истиннаго».

15-го Февраля, къ Малиновскому: «Прикажите выписать съ точностію, буква въ букву, изъ 1-го № Римскихъ дѣлъ, изъ наказа, даннаго папою Александру Комулею на Италіянскомъ языкѣ, то мѣсто, которое напечатано въ приложенномъ листочкѣ, въ нотѣ 320 десятаго тома моей исторіи. Тутъ есть пропускъ и напечатано *Sr* вмѣсто кажется *Sid*, и *mançaranno* вмѣсто *mançeranno*: такъ ли? буду ожидать поправки (Нельзя ли прислать на первой почтѣ?). Около 15 Марта надѣюсь раздѣлаться съ типографіею и доставить вамъ оба тома. Прошу также прислать мнѣ Польскихъ дѣлъ № 28 — 31. Нѣтъ ли у васъ еще чего-нибудь относящагося къ междуцарствію? Прошу еще вашей книжки о Пожарскомъ».

«На сихъ дняхъ отберу все архивскія бумаги и книги, уже для меня не нужны, и отправлю къ вамъ.

«Сдѣлайте милость, прикажите скорѣе выписать изъ Римскихъ дѣлъ, что мнѣ надобно. Въ концѣ второй недѣли поста, авось, все отпечается, а на третьей, или на четвертой можете получить мои два тома».

20-го Февраля 1824 г., къ Малиновскому: «Мнѣ почти совѣстно беспокоить васъ одною просьбою за другую: сдѣлайте одолженіе, прикажите пайти между моими Нѣмецкими книгами, оставленными въ Архивѣ, Mannerts Geographie der Griechen und Römer и еще Ueber den Verkehr der alten Welt, von Heeger, и прислать ко мнѣ. Кажется, что то и другое сочиненіе у меня было уже послѣ Московскаго пожара».

5-го Марта 10-й и 11-й томы исторіи были готовы. За эти томы Карамзинъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и вотъ какъ увѣдомилъ о томъ Дмитріева:

Отъ 7-го Апрѣля: «Я какъ-то особенно мраченъ душою, не смѣтра на данный мнѣ чинъ. Вотъ сюрпризъ! Стою на одномъ ряду съ куликомъ (?), но еще не дошелъ до нашего любезнаго Кашкина и ученаго графа Фед. Андр. Толстаго. Я пробылъ у Государя въ первый день праздника минутъ съ 40, но онъ не сказалъ мнѣ ни слова объ этомъ повышеніи за Годунова и Самозванца».

30-го Мая, къ Калайдовичу: «Съ любопытствомъ и благодарностію читалъ я ваши замѣчанія, которыми вы весьма меня одолжили, и которыми надѣюсь воспользоваться, если еще издамъ новый томъ Исторіи Россійскихъ Древностей (?), тутъ вѣрно будутъ ваши труды. Ожидаю и Экзарха Болгарскаго. Хорошо, если

бы вы потрудились извѣстить меня о гробѣ Шуйскаго: есть ли на немъ надпись? Какая? Онъ между Царскими памятниками?

13-го *Іюня 1824 г., къ Дмитріеву:* «Пишу Шуйскаго кое-какъ. Исторія моя худо продается. Такъ и быть, кончить надобно, пока живу и могу писать».

22-го *Іюня, къ брату:* «К. А. хотѣла меня везти въ Ревель, чтобы купаться въ морѣ, но я поупрямился, желая посвятить нынѣшній годъ работѣ. Кажется, однакожь, что не много напишу, часто недомогаю. Хотѣлось бы скорѣе кончить, прежде охлажденія душевнаго. Впрочемъ, какъ Богу угодно!»

17-го *Іюля, къ Дмитріеву:* «Пишу мало, однакожь пишу во всякомъ случаѣ послѣдній XII томъ. Имъ заговѣюсь для двухъ тысячъ современниковъ (NB. по числу купленныхъ экземпляровъ) и для потомства, о которомъ мечтаютъ орлы и лягушки авторства съ равнымъ жаромъ».

Къ брату: «По обыкновенію еще занимаюсь своей работой: описываю мятежное царствованіе Шуйскаго; но 12-й томъ долженъ быть послѣднимъ. Если Богъ дастъ мнѣ описать гоцареніе Михаила Феодоровича, то заключу мою исторію обзорніемъ новѣйшей до самыхъ нашихъ временъ.»

16-го *Сентября, къ Калайдовичу:* «Отъ всего сердца благодарю васъ за столь обязательное исполненіе моей просьбы, за описаніе Тушинскаго стана и за доставленіе мнѣ изданной вами важной книги. Съ любопытствомъ занимаюсь теперь ея чтеніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Россійская академія оцѣнитъ, какъ должно, трудъ вашъ. При первомъ свиданіи съ г. министромъ спрошу о томъ. Я спрашиваю у васъ о гробѣ

царя Шуйскаго, а не Скопина, дѣйствительно героя, какъ вы говорите».

21-го Октября, къ Дмитріеву: «Съ сердечнымъ удовольствіемъ исполняя твою волю, посылаю тебѣ свой измаранный экземпляръ Маржерета. Пусть остается въ твоей библіотекѣ памятникомъ того, какъ я читалъ и маралъ въ своей исторической дѣятельности! Она уже близка къ концу. Списываю вторую главу Шуйскаго; еще главы три съ обзорѣніемъ до нашего времени, и поклонъ всему міру, не холодный, съ движеніемъ руки на встрѣчу потомству, ласковому или спѣсивому, какъ ему угодно. Признаюсь, желаю довершить еще, съ нѣкоторою полнотою духа, живостію сердца и воображенія. Близко, близко, но еще можно не доплыть до берега. Жаль, если захлебнусь съ перомъ въ рукѣ, до пункта, или перо выпадетъ изъ руки отъ какого-нибудь паралича. Но да будетъ воля Божія!»

2-го Декабря 1824 г., къ Малиновскому: «Я написалъ двѣ главы Шуйскаго, но уже около мѣсяца стою на одномъ мѣстѣ».

21-го Января 1825 г., къ Дмитріеву: «Думаю еще болѣе посвятить себя уединенію, если Богъ дастъ совершить историческій трудъ свой, т. е. дописать 12-й томъ и напечатать».

25-го Января, къ Малиновскому: «Евгенія ждуть сюда. Уважаю его, хотя и не знаю въ лицо. Выѣзжаю такъ рѣдко и съ такимъ трудомъ, что едва-ли могу пользоваться знакомствомъ этого любителя нашихъ древностей. О Десятинной церкви я ничего не слышалъ: гдѣ объ этомъ писано?»

18-го Февраля, къ Дмитріеву: «Будучи и мо- ложе я не хотѣлъ сражаться съ нашими литературными забіяками. Пусть ихъ единоборствуютъ! Ты гово-

ришь о нападкахъ Булгарина: это передовое легкое войско, а главное еще готовится къ дѣлу, какъ мнѣ сказывали: Магницкій etc. etc. вступаются будто бы за Грознаго. И тутъ ничего не предпринимаю. Есть Богъ и царь! Безпокойство мое было бы виною передъ Государемъ; онъ долженъ меня знать, а я знаю то, что люблю его душевно. Въ четвергъ, на первой недѣлѣ поста, я имѣлъ счастье съ нимъ бесѣдовать и пить чай.—Если моя, такъ называемая слава есть мыльный пузырь, то Богъ съ нею! Желая не сердиться, и кажется не сержусь».

19-го Марта, 1825 г., къ Дмитріеву: «Я кончилъ третью главу Шуйскаго: а его еще не скоро кончу. Хотѣлось бы спѣшить: для того не пишу примѣчаній, чтобы скорѣе управиться съ текстомъ. Мнѣ бы здѣсь кончить свой трудъ».

17-го Апрѣля, къ Малиновскому: «И я все еще работаю: дописываю Шуйскаго».

Отъ этого же числа писалъ онъ къ Дмитріеву. «Спѣшу сказать тебѣ, что ты доставилъ мнѣ письмо М. П. Погодина, но безъ диссертациі (*); слѣдственно не могу еще благодарить его, не выдавъ, что имъ написано».

Отъ 27-го Апрѣля, къ нему же: «Прилагаю письмо къ М. П. Погодину, желая ему всѣхъ возможныхъ успѣховъ въ дальнѣйшихъ историческихъ розысканіяхъ:

«М. Г. Михаилъ Петровичъ! Примите изъявленіе искреннѣйшей моей признательности. Съ живѣйшимъ

(*) Въ письмѣ своемъ я сказалъ: «у васъ началъ я учиться добру, языку и исторіи: позвольте мнѣ посвятить вамъ въ знакъ искренней, глубокой моей благодарности первый мой ученый трудъ». (О происхожденіи Руси).

любопытствомъ читаю ваше разсужденіе, писанное основательно и пріятное. Усердно желаю, чтобъ вы и впредь занимались такими важными для Россійской исторіи предметами, къ чести вашего имени и нашей исторической литературы. Прося о продолженіи вашей ко мнѣ благосклонности, съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть» и проч.

6-го Сентября 1825 г., къ Тургеневу: «Въ три съ половиною мѣсяца едва написалъ я 30 страницъ».

Къ концу 1825 года, Карамзинъ опять ревностно началъ заниматься исторіею.

22 Октября, 1825 г., къ Дмитріеву: «Работа сдѣлалась для меня опять сладка: знаешь ли, что я съ слезами чувствую признательность къ небу за свое историческое дѣло? Знаю что и какъ пишу; въ своемъ тихомъ восторгѣ не думаю ни о современникахъ, ни о потомствѣ; я независимъ и наслаждаюсь только своимъ трудомъ, любовію къ отечеству и человѣчеству. Пусть никто не будетъ читать моей исторіи, она есть—и довольно для меня. Однимъ словомъ, я современный гр. Хв. по жару къ музамъ или музѣ! За неимѣніемъ читателей, могу читать себя и бормотать сердцу, *гдѣ и что* хорошо. Мнѣ остается просить Бога единственно о здоровьѣ милыхъ и насущномъ хлѣбѣ до той минуты,

«Какъ лебедь на водахъ Меандра,

«Процѣвъ, умолкнетъ навсегда.

«Чтобъ чувствовать всю сладость жизни, надобно любить и смерть, какъ сладкое успокоеніе въ объятіяхъ отца. Въ мои веселые, свѣтлые часы я всегда бываю ласковъ къ мысли о смерти, мало заботясь о безсмертіи авторскомъ, хотя и посвятивъ здѣсь спо-

собности ума авторству. Такъ пишутъ къ друзьямъ изъ уединенія.»

Въ это время, то есть въ Октябрѣ, Ноябрьѣ и первой половинѣ Декабря Карамзинъ кончилъ, должно полагать, царствованіе Шуйскаго, и началъ описывать междуцарствіе, т. е. написалъ 4 главу двѣнадцатаго тома, и начало 5-й.

Послѣднее выраженіе: «Орѣшекъ несдавался» должно принадлежать къ началу Декабря.

Послѣ кончины Императора Александра онъ едва ли принимался уже за перо или написалъ очень мало.

Вотъ одно мѣсто изъ послѣдняго его письма, относящагося до исторіи, къ А. Ѳ. Малиновскому:

«На сихъ дняхъ отправлю въ Архивъ ящикъ съ большею частію бумагъ и книгъ, которыя были еще у меня; удерживаю, для окончанія XII тома, весьма не многія. Миѣ писать еще двѣ главы: наслаждаюсь мыслью изображать характеры и дѣйствія Россійской исторіи и любоваться вдали вершинами Апеннинскимъ; безъ работы, хотя самой легкой, для меня нѣтъ отдыха. Для формы напишу къ графу Нессельроду объ удерживаемыхъ мною книгахъ и бумагахъ. Я очень слабъ ... На корабль думаемъ съѣсть 8 Юня.»

Но судьба рѣшила иначе. Карамзинъ занемогъ опять, и скончался 22 Мая 1826 года.

М. Погодинъ.